

УДК 001.6:01:3
ББК 87.255.14+78.5+6/8

ЗАКОНЫ НАУК ДОКУМЕНТО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЫ: КОРРЕЛЯЦИЯ С НАУКОВЕДЧЕСКИМ ЗНАНИЕМ

© Е. И. Полтавская, 2015

*Научная музыкальная библиотека им. С. И. Танеева
Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского
125009, г. Москва, ул. Большая Никитская, 11*

Первая из трех статей, посвященных зависимостям наук документо-коммуникационной сферы, претендующих на роль законов. В соответствии с науковедческими критериями, предъявляемыми к научному закону, рассматриваются законы библиографоведения.

Ключевые слова: научный закон, социально-гуманитарные науки, науки документо-коммуникационной сферы, библиографоведение, сущность, смысл существования системы.

This is the first of three articles, devoted to regularities of the documentary-communication sphere sciences, claiming to be the laws. The paper discusses the laws of bibliography science in accordance with the science of science criteria imposed to a scientific law.

Keywords: scientific law, social-humanitarian science, documentary-communication sphere sciences, bibliography science, essence, system raison.

Существует представление, что признак развитой науки – наличие у нее законов. Не все ученые разделяют это мнение в отношении социальных и гуманитарных наук, которые долгое время считались исключительно описательными [1, с. 44–129].

Попытка разграничить науки о природе (естественные – *номотетические*) и науки о культуре (духе, человеке, обществе – *идиографические*) датируется началом XX в. В. Дильтей, а затем В. Виндельбанд и Г. Риккерт декларировали, что естественные и социально-гуманитарные науки, а также философия соответствуют разным типам рациональности. По сравнению с естественными науками (для которых характерны *суждения о фактах, природных зависимостях, законах*) гуманитарным наукам приписывалась теоретическая рыхлость, отсутствие точного понятийного аппарата, преобладание *нормативных суждений*.

Считалось, что естественные науки (*науки закона*) при познании действительности ищут общие естественные закономерности, выражая их в законах, а гуманитарные (*науки события*) фиксируют однократное содержание происходящего¹. Идеа-

лом науки было естественнонаучное знание, которое представлялось стройной системой теорий; законов, выведенных дедуктивным методом; аксиом и логических следствий. Эталону естественных наук стало соответствовать и социальное знание, в котором культивировались эмпирические наблюдения, количественные математические методы, а ценностные проблемы, напротив, игнорировались.

Однако при построении абстрактных конструкций в гуманитарных науках возникли трудности. Своеобразие гуманитарного познания состоит в том, что человек изучается неотъемлемо от его целей, воли, культуры, исторических условий. В связи с чем пришло понимание, что рациональность науки проявляется по-разному в различных отраслях знания.

По представлениям современных философов-науковедов, различие социально-гуманитарных и естественных наук заключается в системе оперируемых категорий и в частных методах исследования. Общие научные методы всех наук признаются сходными: формулируют законы те науки (естественные и социальные), которые «описывают или оценивают исследуемые явления в системе *сравнительных* категорий. Не формулируют законов науки (гуманитарные и естественные), описываю-

¹ Такое деление, по В. Виндельбанду и Г. Риккерт, основано не на специфике предметного содержания науки, а на методе как техническом способе познания: номотетическом (от греч. «*nomos*» – закон), законоустанавливающем и обобщающем, выявляющем «неизменную форму» реаль-

ного события – для наук о природе, и идиографическом (индивидуализирующе-ценностном), то есть описывающем особенное, уникальное – для наук о культуре [2, с. 106].

щие и оценивающие изучаемые объекты в системе *абсолютных* категорий» [3, с. 78]. Поскольку относительные и абсолютные категории редко встречаются в чистом виде, граница между законоустанавливающими науками и неустанавливающими условна.

Появление новых методов в социально-гуманитарном знании и в естественных науках показало, что у тех и других наук сходная стратегия исследования: они строят гипотезы, системы доказательств, применяют приемы моделирования, реконструкции, выявления причинных связей, ищут закономерности и зависимости, интерпретируют полученные результаты, формулируют законы.

В современном знании понятие «закон» многозначно. «Закон – это

1) необходимая связь (взаимосвязь, отношение) между событиями, явлениями, а также между внутренними состояниями объектов, определяющая их устойчивость, выживание, развитие, стагнацию или разрушение;

2) утверждения, претендующие на отображение указанных связей и... входящие в состав научных теорий;

3) аксиомы и теоремы теорий, предметом рассмотрения которых являются объекты, смысл и значение которых задается и эксплицируется самими этими теориями;

4) некоторые, вырабатываемые и определенным образом поддерживаемые человеческим обществом и его институтами требования и нормативные предписания, которые должны выполнять физические, юридические лица и иные субъекты морали и права» [4, с. 34–35].

Из указанных значений законами науки именуют утверждения в смысле (2), которые отображают необходимые связи между предметами с помощью естественного и искусственного языков. Поскольку научный закон отражает свойства и отношения, определяемые структурой и функционированием исследуемого предмета (вещи, явления, процесса), который является не единичным эмпирическим объектом, а интеллектуальным конструктом, закон относится к классу этих объектов.

Возьмем за основу дальнейших рассуждений утверждение В. П. Каширина: «Научный закон – это идеализированная модель объективного закона, отражающая существенные инвариантные связи между явлениями и выраженная отношением понятий и категорий данной науки» [5, с. 122].

Научный закон, утверждая о связи событий и необходимости их следования, объясняет *почему* происходит явление. Доказано, что увеличение наблюдений, согласующихся с эмпирической зависимостью, не переводит гипотетическое предположение в закон. Признак необходимости в зависимости возможно выявить, лишь оперируя конст-

руктами теоретической схемы, которая была построена как идеализированная модель исследуемой реальности, обобщающая сходные явления на абстрактном уровне.

Научные законы принято различать по способу, каким были выявлены устойчивые и регулярные взаимосвязи между явлениями. *Эмпирические* законы сформулированы на основе обобщения наблюдаемых явлений, опытных фактов и описывают сам «факт существования познаваемого объекта, его наблюдаемых свойств и связей с другими объектами, определение интенсивности выявленных свойств, их видимой динамики» [6, с. 240–241]. *Предмет* изучения при эмпирическом исследовании – наблюдаемые явления и их соотношения (корреляции); важнейшие *методы* – описание, наблюдение, измерение, эксперимент. Эмпирическое исследование путем прямого сопоставления фактов «должно обеспечивать связь концептуально-понятийного аппарата науки с реальностью, данной в непосредственном наблюдении» [6, с. 240–241].

В результате теоретического осмысления вскрываются глубинные основания явлений, выявляется *сущность* объекта «как совокупности присущих ему законов... основная задача теоретического исследования – о б ъ я с н е н и е явлений» [6, с. 240–241]. Законы, выявленные в теоретических исследованиях, относят к *теоретическим*. Объект исследования «воссоздают» с помощью интеллектуальных конструктов (чьи основные элементы и связи формируют *представление* об объекте – *предмет* исследования); общих понятий; мысленного эксперимента, идеализации, абстрагирования, формализации и других *методов* манипулирования абстрактными и теоретическими объектами.

Итог теоретических исследований, уточняют Я. С. Яскевич и В. К. Лукашевич, – создание нового и конкретизация уже известного понятийного аппарата, способного «без обращения к эмпирии... генерировать новое знание» [6, с. 241]; формулирование законов, принципов, создание развитой теории. Достоверность теоретических законов определяется соблюдением принципов соответствия и непротиворечивости (любая новая теория должна находиться в преемственной связи со старыми хорошо проверенными теориями и не противоречить им).

Эмпирические и теоретические законы важны по-своему: *теоретический* закон позволяет *постичь сущность* явления по содержанию идеальных моделей, *эмпирический* – обнаружить *факт* реального проявления закономерности. Эмпирические законы могут не уступать теоретическим по своей значимости для конкретной науки. Вместе с тем существует точка зрения, отрицающая дихотомию законов на эмпирические и теоретические (по некоторым представлениям мысленные модели, схемы

могут использоваться и при выявлении эмпирических законов).

В документо-коммуникационных науках, отмечает Ю. Н. Столяров, «на роль законов претендует свыше десятка постулатов различного уровня обобщения» [7, с. 15], но не каждое утверждение действительно является научным законом.

Формулирование законов – непростая задача для библиотковедения, библиографоведения, книговедения и других наук, связанных с документом и его коммуникацией. Необходимо переосмыслить и систематизировать накопленное знание о зависимостях, замеченных в области наук документо-коммуникационной сферы. Проблема открытия научных законов, вопросы исследования закономерностей, зависимостей, тенденций в области наук документо-коммуникационной сферы затрагивались в профессиональной печати неоднократно [7–13].

Иницируя интенсивное изучение детерминизма и деонтологии в области документо-коммуникационного знания, А. В. Соколов установил: в этих науках наличествуют три типа зависимостей (законы, тенденции и заповеди-нормы), каждая из которых может быть межотраслевой, отраслевой, внутриотраслевой [9, с. 24–28]. Таким образом, А. В. Соколов систематизировал зависимости по *предметной области* наук документо-коммуникационной сферы, *степени общности* и *типам* зависимостей. В соответствии с предложенной систематизацией рассмотрим некоторые суждения, которые в документо-коммуникационных науках называют законами.

По классификации А. В. Соколова, к *заповедям-нормам* относятся принципы, рекомендации по лучшей организации библиотечного дела Ш. Р. Ранганатана: «каждому читателю – его книгу; каждой книге – ее читателя» и др.). Исключение составляет, как уточняет А. В. Соколов, пятый закон Ранганатана «библиотека – растущий организм» [цит. по: 9, с. 11–13]. Тезис фиксирует эмпирический факт (увеличение фонда любой библиотеки с течением времени) и потому является формулировкой эмпирического закона.

К заповедям-нормам библиотковедения, которые рассматривает Ю. Н. Столяров, относятся: идеологические лозунги и обобщения И. А. Месеняшина («планомерное развитие советских библиотек; рекомендательность и др.»); А. Казанджиева («процесс преобразования в библиотеках невозможен без сбалансирования интересов общества, отдельной личности и наличия равновесия между личностными и организационно-структурными изменениями») [цит. по: 7, с. 16]. Заповеди-нормы не объясняют явление, поэтому ученые не относят их к законам.

Научный закон универсален и имеет определенную форму: «Для всякого объекта верно, что

если этот объект имеет свойство А, то он имеет также свойство В» [3, с. 95]. Считается, что научный закон действует всегда без каких-либо исторических ограничений и представляет собой в рамках определенной теории *обобщение*, неоднократно подтверждаемое на практике.

Между законами и сущностными функциями существует взаимосвязь, которую отмечают философы и ученые. Как заключает Ю. Н. Столяров, «раз существует некое явление, значит (по закону диалектической связи между явлением и сущностью), имеет место и сущность этого явления, и задача состоит в том, чтобы ее обнаружить» [7, с. 16–17].

Применительно к документо-коммуникационным наукам, считает А. В. Соколов, «сущностные функции представляют собой объективные законы-зависимости, управляющие деятельностью социального института, их нельзя отменить или заменить новыми. Главная задача библиотковедения и библиографической науки – открытие этих законов» [9, с. 15].

Разделяя представление о взаимосвязи сущностных функций объекта и законах его существования, нельзя согласиться с выводом А. В. Соколова о сущностных функциях социальных институтов документо-коммуникационной сферы: сущностными он называет сразу три социальные функции – просветительную, ценностно-ориентационную и мемориальную.

Напомним, что согласно системному подходу сущностная функция у системы может быть только одна, обусловленная ее структурой, а структура всех документо-коммуникационных социальных институтов изоморфна. Следовательно, сущностная функция всех документо-коммуникационных социальных институтов обусловлена структурой социального института, сущность которого выражает схема: *производитель – потребитель* [13]. Отношение *производитель – потребитель* есть взаимосвязь двух субъектов, следовательно, между ними возникает *социальная* связь. Поэтому единственной *сущностной функцией* всех документо-коммуникационных социальных институтов является социальная, способная проявляться в различных условиях как просветительная, ценностно-ориентационная, мемориальная (последняя трактуется как *отложенное во времени* предоставление документа пользователю). Заметим, что поисковая функция, которую А. В. Соколов считает сущностной для библиографии [9, с. 25–26], также должна считаться проявлением социальной функции, так как поиск информации способствует просвещению потребителя библиографической продукции. Социальная функция выражает суть деятельности социальных документо-коммуникационных институтов, именно она формируется как реальная зависимость от их

структуры и проявляется в качестве объективной закономерности.

В соответствии с представлениями о сущностной функции социального института, закон *библиографоведения*, сформулированный А. В. Соколовым на основе концепции О. П. Коршунова («всякая библиографическая информация по сути выполняет в системе документальных коммуникаций поисковую, коммуникативную, оценочную общественные функции» [9, с. 23]), требует уточнения: *всякая библиографическая информация по сути выполняет в системе документальных коммуникаций социальную функцию, которая конкретизируется как поисковая, коммуникативная, оценочная.*

Закон *двойственности предмета документ(альн)о-коммуникационных наук*, сформулированный А. В. Соколовым на основе закона библиографии (А. И. Барсук, О. П. Коршунов) [9, с. 22], фиксирует *факт* изучения документо-коммуникационными науками *документа* и *его коммуникации* и на этом основании может считаться эмпирическим.

Отметим, что эмпирический закон *двойственности предмета документо-коммуникационных наук* получил *теоретическую расшифровку* с помощью схем понятий (производных от понятия «социальный институт») в том смысле, что в документо-коммуникационные науки объединены две группы наук. Одна (*смежные науки*) изучает *документивную коммуникацию*, или документивную систему, представленную в виде процесса. Например, речь может идти о библиотеке – социальном институте, в котором *документ* – лишь один из ее элементов (библиотековедение, библиографоведение, книговедение и др.). Другая группа наук изучает *документ* (документология, документоведение и документалистика). Таким образом, этот закон фиксирует факт не «двойного предмета» изучения каждой из документо-коммуникационных наук, а то, что в эту группу объединились науки, изучающие либо *документ*, либо *коммуникацию документа*. Документо-коммуникационные науки и информатика составляют *сферу* документо-коммуникационных наук [14].

Рассмотрим некоторые *законы библиографоведения* в контексте представлений философов-наукоедов. Поскольку библиографические сведения представляют собой упорядоченные взаимосвязанные системы, значит, полагает В. А. Фокеев, существуют и библиографические закономерности: эмпирическому знанию, каким является библиография, должны соответствовать эмпирические законы, «выражающие устойчивую повторяемость связей между различными характеристиками исследуемого явления» [11, с. 38]. Результатом библиографии служат библиографические модели – библиограммы, выражающие на библиографическом языке объек-

тивные закономерности: «устойчивые, повторяющиеся существенные отношения в системе библиографических коммуникаций» [11, с. 39]. Следовательно, интерпретация библиограмм на естественном или искусственном языке (не только математическом, но и языке схем) поможет сформулировать законы библиографоведения – науки, осмысляющей практический опыт библиографии.

О. П. Коршунов, размышляя, что есть библиография, назвал ее исходным пунктом «простейшее единичное отношение Д – П (документ – потребитель информации)» [15, с. 194]. Анализируя указанное отношение, ученый сделал два вывода: *о необходимом информационном соответствии между документами и потребителями*, а также *о противоречиях между документами и потребителями в виде информационных барьеров* [15, с. 185–186]. На основании характера соотношения Д – П библиографоведами предложен ряд библиографических законов: межотраслевые, общие отраслевые и частные [16, с. 191–194].

Первый межотраслевой закон, выдвинутый библиографоведами, гласит: «сущность (смысл существования) системы документальных коммуникаций заключается в установлении соответствий между документами и потребителями посредством преодоления информационных барьеров» [16, с. 192].

Трактовки понятий «смысл существования» и «сущность», принятые в философии науки, не позволяют согласиться с *формулировкой* первого межотраслевого закона. Первое возражение связано с пониманием «сущности». Не отрицая объективной зависимости (соответствия между востребованными документами и их потребителями), обратим внимание, что сущность системы определяется ее структурой (когда систему рассматривают автономно, как целое)². Сущность системы документивных коммуникаций выражает схема: *производитель документа – потребитель*. Напомним, что *производитель документа* (коллективный, или первый, *субъект*) в общественной сфере представляет собой социальную систему – *организацию (учреждение)*, суть которой в свою очередь расшифровывает схема: *персонал – средства производства – документ*. Таким образом, *сущностью* системы *документивных коммуникаций* не могут быть произвольно вычлененные из нее два элемента: *потребитель* (второй субъект) и *документ*. Коммуникация – это *социальный* процесс, осуществляемый между субъектами (в нашем случае это производитель документа и его потребитель) [13, с. 21].

Второе возражение связано с понятием «смысл существования системы», которое не равноценно

² «Сущность – это внутреннее содержание предмета, выражающееся в устойчивом единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия [17, с. 682].»

(не синонимично) сущности системы, а значит, не может его расшифровывать. Поясним: *смысл существования системы* кроется в необходимости *взаимодействия* одной системы с другой для формирования нового целого (на новом уровне системности). Понятие «смысл существования системы» нужен, чтобы осознать связь данной (первой) системы с некой внешней по отношению к ней (второй) системой. «Смысл – внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывая его с более широким пластом реальности» [18, с. 576].

Образование связи некой целостности (система 1) – путем *коммуникации* своего *продукта* – с неким конкретным объектом вне ее (система 2) вполне укладывается в философское представление о смысле существования системы; смысл невозможно определить, если систему рассматривать изолированно от других систем.

Итак, смысл существования системы – это *процесс коммуникации* своего продукта *внеположенной сущности*, то есть другой системе. Продукт может быть как материальным (например, документ), так и идеальным (знания, любовь, творческие идеи).

Представляется, что более корректный вариант формулировки *первого закона* таков: *каждая система документивных коммуникаций, способствующая установлению соответствия между запросом потребителя и производством документа, позволяет преодолеть определенный информационный барьер*. Этот межотраслевой закон, предложенный библиографоведами, является эмпирическим, потому что устанавливает *факт преодоления информационного барьера* при релевантном обслуживании потребителя.

В. А. Фокеев, характеризуя связь *документ – потребитель* как основной библиографический закон О. П. Коршунова, назвал элементы *документ* и *потребитель* «движущими силами развития и возникновения... посредника – библиографической информации» [11, с. 52]. С одной стороны, потребность пользователя в документе стимулирует возникновение библиографии, с другой – *библиография ускоряет информированность потребителя о документе*. Последнее суждение может быть пояснено схемой *документ – библиография – потребитель*, которая фиксирует реальный факт (посредническую роль библиографии) и объективную зависимость между этими тремя элементами, следовательно, является отраслевым законом библиографоведения – одним из проявлений, по В. А. Фокееву, основного библиографического закона.

Итак, *законы библиографоведения* относятся к эмпирическим законам. Другие законы наук документо-коммуникационной сферы рассмотрим в следующих статьях.

Литература

1. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М. : Республика, 1998 – 410 с.
2. Давыдов Ю. Н. Номотетический метод // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 3. – С. 106–107.
3. Ивин А. А. Современная философия науки. – М. : Высш. шк., 2005. – 592 с.
4. Сидоренко Е. А. Закон // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 34–36.
5. Каширин В. П. Теория научного исследования. – Красноярск : Краснояр. гос. аграр ун-т, 2007. – 184 с.
6. Яскевич Я. С., Лукашевич В. К. Философия и методология науки. – Минск : БГЭУ, 2009. – 475 с.
7. Столяров Ю. Н. О закономерностях функционирования документо-коммуникационной системы (отклик на статью А. В. Соколова) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 2. – С. 15–22.
8. Столяров Ю. Н. Закон документного оснащения социальных коммуникаций // Библиоковедение. – 2002. – № 6. – С. 22–30.
9. Соколов А. В. Детерминизм и деонтология в Документной коммуникационной системе // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2008. – № 4. – С. 6–34.
10. Соколов А. В. Законы, закономерности, заповеди в документологии (завершение дискуссии) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2010. – № 3. – С. 20–24.
11. Фокеев В. А. Природа библиографического знания. – М. : РГБ, 1995. – 352 с.
12. Берестова Т. Ф. О законах и закономерностях в информационной и документально-коммуникационной сфере // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 1. – С. 15–19.
13. Полтавская Е. И. О конструктивизме, системах и законах библиоковедения (частный взгляд на общие проблемы) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2010. – № 2. – С. 19–25.
14. Полтавская Е. И. Науки документо-коммуникационной сферы в системе социально-гуманитарного научного знания // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 1. – С. 9–13.
15. Кориунов О. П. Моя концепция библиографии (документографическая ли она?) // Российское библиографоведение: итоги. – М., 2006. – С. 179–198.
16. Кориунов О. П., Леликова Н. К., Лиховид Т. Ф. Библиография : учебник. – СПб. : Профессия, 2014. – 288 с.
17. Сущность и явление // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 3. – С. 682.
18. Шрейдер Ю. Смысл // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 3. – С. 576–577.

Материал поступил в редакцию 06.08.2014 г.

Сведения об авторе: Полтавская Елена Игоревна – кандидат педагогических наук, заведующий отделом хранения, тел.: (495) 629-14-75, e-mail: store@mosconsv.ru